

АКАДЕМИЯ ХАОСА

ЛАБИРИНТ СТИХИЙ

ИСКУШЕНИЕ ОГНЕМ

КОГДА РУШАТСЯ СТЕНЫ

ОЛЬГА ЯРОШИНСКАЯ

**АКАДЕМИЯ ХАОСА
ЛАБИРИНТ СТИХИЙ**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я77

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*
Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Ярошинская, Ольга Алексеевна.

Я77 Академия хаоса. Лабиринт стихий / Ольга Ярошинская. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-191590-2

В моей крови проснулся хаос, и теперь я должна научиться им управлять или запечатать его навсегда. В академии своя атмосфера: преподаватели то ли учат, то ли калечат, по ночам в общежитии шастает призрак, а на горизонте видна стена, за которую меня отправят в патруль — убивать тварей хаоса. После первого курса все студенты отправляются в лабиринт стихий, где хаос принимает одну из шести форм. Я не знаю, кем выйду из лабиринта и выйду ли из него вовсе, но как иначе понять, кто я такая?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191590-2

© Ярошинская О.А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

ЭКЗАМЕН ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ МАГИИ

— Вы провалили экзамен по практической магии, — ректор скосил глаза на бумаги, — Арнелла Алетт.

Всем своим видом он выражал скуку и досаду от того, что вынужден заниматься нерадивой студенткой, чье имя даже не удосужился запомнить, а я сжимала руки в кулаки так, что ногти впивались в кожу.

Это конец. Меня отчислят, запечатают магию, а после немедленно выдадут замуж за какого-нибудь богатея, жаждущего пополучить в свой род вплетение магической крови. Остаток дней я проведу, рожая и вышивая и вспоминая, как меня с позором выперли из Академии хаоса после первого же семестра.

— Дайте мне шанс, — попросила я, но тон получился требовательным.

Ректор слегка изогнул темную бровь, перебитую шрамом. Родерик Адалхард, заработавший в бою с тварями хаоса славу сильнейшего мага, наводил ужас на студентов одним только взглядом, а байки о его подвигах были поистине нескончаемы. Но здесь, в своем кабинете, он не выглядел таким уж грозным. Его темные с проседью на висках воло-

сы взлохматились, белая рубашка за день немного примялась. Рукава он закатал до локтей, и я быстро отвела взгляд от крепких рук, покрытых шрамами, и уставилась на кабанью голову над камином, в котором тихо переливались алым бархатом угли. В свечах, расставленных в настенных канделябрах, плясали язычки пламени. Маг огня любит огонь. Ничего удивительного.

— Во мне есть хаос, — продолжила я, расправляя плечи, и снова посмотрела на ректора. — Но я пока не научилась им управлять.

Когда преподаватель теории хаоса — миниатюрная женщина с блаженной улыбкой — рассказывала о стройных потоках, текущих в теле и сосредотачивающихся в солнечном сплетении, мне хотелось плакать. «Почувствуйте тепло, — говорила она. — словно маленькие солнечные зайчики греют кожу изнутри. словно крохотные золотые рыбки бьют хвостиками и пускают искорки, плывя по вашим венам».

Моя магия рвалась на свободу и кусалась, как цепной пес. Простейшие бытовые заклинания оборачивались катастрофой. Но я тренировалась, и у меня почти получилось!

— Покажите, — сказал ректор и снова глянул в бумаги. — На чем вы там провалились? Бытовое заклинание первого уровня.

Уголок его губ презрительно дернулся, но он все же указал на надкусанное яблоко, одиноко лежащее на белом блюде. Надо же, неужели он ест фрукты, а не питается кровью нерадивых студентов?

Ладно, вот он, мой последний шанс. Заклинание, которое попало в билете, называют пыле-

тером. Убирает пыль, грязь, паутину и прочий мусор. Впрочем, ничего этого в кабинете ректора не было. Дощатый пол, натертый воском, блестел даже в тусклом свете свечей. На краю массивного стола приютилось лишь блюдце с надкусанным яблоком, а книги на полках шкафа стояли ровными рядами — корешок к корешку, как патрульные в дозоре. К вешалке, на которой висел плащ ректора, прислонилась трость с набалдашником в виде дракона, скалящего зубастую пасть. Комната выглядела так, словно ею почти не пользуются. Но и в учебном корпусе ректора не застать. Пришлось тащиться в его дом — небольшой коттедж на территории академии. Со стороны ситуация, наверное, выглядит неловкой и даже неприличной...

Отбросив лишние мысли, я выпрямилась так, что позвонки вытянулись в струну, магия побежала по венам, стремясь потоком к кончикам пальцев. Я дождалась, пока руки станут горячими, а потом взмахнула ими как дирижер и, направив их в сторону яблока, красного и налитого, как на картинке, произнесла:

— Тиденис мунтас!

Энергия брызнула мощным потоком, и я всей душой взмолилась, чтобы несчастное яблоко исчезло, однако оно лишь закрутилось на тарелочке и слегка побледнело.

Давай же! Исчезай! Я прикусила губу от волнения, не видя ничего, кроме яблока, ставшего полупрозрачным. Я могла пересчитать зернышки в его сердцевине и видела крошечного червячка, прогрызавшего сочную мякоть, — вот из-за чего мастер не стал его доедать. Но яблоко все еще было здесь.

— Впечатляет, — протянул ректор. Его глаза, до этого прищуренные, слегка расширились, будто мне удалось его удивить. — Очень... интересный эффект.

— Посмотрите, оно почти исчезло! — воскликнула я.

— Исчезло. — Он пристально меня рассматривал, кажется вовсе забыв о яблоке.

— У меня есть магия и способности!

— Несомненно, — подтвердил он. — Природа одарила вас весьма щедро, Арнелла Алетт.

Он запомнил мое имя! Я с надеждой улыбнулась:

— Значит, вы поставите мне зачет?

Ректор поднялся с кресла, вышел из-за стола, снял с трехногой вешалки свой плащ — длинный черный плащ с кровавым подбоем боевого мага — и, подойдя, накинул его мне на плечи. Я недоуменно посмотрела в глаза ректора — серые, как пепел. Говорили, он жег тварей хаоса огнем, как сам бог, и я бы не отказалась увидеть это вживую.

— Зачем... — Я бросила взгляд вниз, подавилась собственным вопросом, вскрикнула и судорожно запахнула плащ на груди — совершенно обнаженной. — Я... Я...

О боги, какой позор! Моя одежда исчезла! Я осталась нагой и даже не заметила этого! А он...

— Почему вы не сказали сразу? — воскликнула я. — Вы меня рассматривали!

— Растерялся, — признался он и вдруг улыбнулся, так что его твердые черты смягчились, а на щеке появилась ямочка. — Вы просто потрясли меня своими... ммм... талантами.

Я всхлипнула и бросилась прочь, дернула на себя ручку кабинета, однако широкая ладонь накрыла мои пальцы.

Обернувшись, я снова встретила взгляд серых глаз.

— Хаос в вас, несомненно, есть, — сказал он, — и мне бы очень хотелось узнать, на что еще вы способны...

— Значит... — Я сглотнула, сдерживая рвущиеся рыдания. — Я сдала?

Ректор задумчиво посмотрел на меня, его руки снова легли на мои плечи, и я быстро глянула вниз — нет, плащ не съехал и поправлять его нет нужды.

Широкие ладони лениво погладили мои лопатки, скользнув по спине.

— Вы сделали это специально? — тихо спросил он, зачем-то склоняясь ближе, так что я увидела свое отражение в серых глазах.

— Что? — непонимающе переспросила я.

— Показали, так сказать, товар лицом, — пояснил он. Руки его оказались на завязках плаща и немного сдвинули ткань в стороны, а я вздрогнула, ощутив легкое касание пальцев к коже. — Ради зачета. Похвальное стремление к учебе, Арнелла А...

Рука взметнулась быстрее, чем он успел договорить фамилию. Пощечина получилась отличная: точная, хлесткая, сильная. Ректор отшатнулся, непроизвольно прикоснулся к щеке, а потом, бросив взгляд ниже, ухмыльнулся.

Ахнув, я запахнула разъехавшиеся полы плаща и бросилась прочь.

* * *

Дверь за студенткой с грохотом захлопнулась, и Родерик, все еще улыбаясь, вернулся в кресло.

Сев и вытянув ноги, он открыл ящик стола и, достав оттуда сигару, поднес ее к носу. Втянув запах табака, покрутил сигару в пальцах.

Принимать зачеты у отстающих оказалось неожиданно занятым времяпровождением.

Родерик потер саднящую щеку и ухмыльнулся снова. Не слишком большая плата за увиденное. Он бы согласился получить по лицу еще раз, чтобы увидеть такое. Девушка была очень мила: скуластое личико с острым подбородком, яркие ореховые глаза, темные волосы схвачены на затылке в хвост. Она волновалась, кусала губы, а щеки пылали румянцем, но ей хватило выдержки, чтобы держаться с достоинством. А потом... Она просто ослепила его своей внезапной наготой. Плавные линии, чистая золотистая кожа, расцветшее тело. Само воплощение женственности.

Арнелла Алетт знатно скрасила этот вечер, а что вlepила пощечину — так он, пожалуй, заслужил.

Ее кожа была такой нежной и теплой.

Родерик задумчиво сунул сигару в рот и поднес к ней указательный палец. Закрыв глаза, призвал огонь, так легко зарождающийся когда-то в его теле, но не почувствовал ровным счетом ничего. Лишь в животе слегка посасывало от голода.

Вздохнув, он поднялся и вложил сигару в пасть кабаньей голове, висящей над камином, а после поднял глаза к потолку и позвал:

— Мисси!

— Я здесь, любовь моя, — откликнулся нежный голос, и прозрачный силуэт скользнул к нему с потолочной балки.

— Видела девушку, что только что сбежала? — спросил он у призрака — молодой женщины в устаревшей форме академии. На Арнелле Алетт, когда она пришла, была свободная рубашка, почти не отличающаяся от мужской, и юбка до щиколоток, расширяющаяся книзу, хотя его плащ на голое тело шел ей куда больше. На блузке Мисси топорщились рукава-фонарики, а юбка спадала широкими складками до самых пят.

— Разумеется, любовь моя, — прошелестело привидение. — Я видела Арнеллу Алетт.

— Убедись, что она добралась в свою комнату, — приказал Родерик. — И доложи.

— Будет сделано. — Мисси уменьшилась, превращаясь в жемчужный клочок тумана.

— Постой, — быстро позвал ее Родерик и замялся. То, что для него было забавным приключением, для девушки могло стать серьезным потрясением. — Посмотри, в порядке ли она, что делает... Не плачет ли.

— Да, любовь моя, — донеслось в ответ, и в кабинете не осталось никого, кроме него да кабаньей головы над камином.

* * *

Я бежала по дорожке к общежитию, кутаясь в плащ ректора и обжигая босые ступни о покрытые наледью плиты, и славилась богов за то, что почти все студенты уже разъехались на каникулы. Никто не попался мне

на пути, и я стремглав взлетела по пустынной лестнице и юркнула в свою комнату, захлопнув дверь.

Скинув плащ как ядовитую шкуру, я натянула первое попавшееся платье и вцепилась руками в волосы. Сгорая от стыда, я даже не замерзла после пробежки полуголой.

Какой позор!

После такого лучше самой собрать вещи и уехать. Я прижала ладони к пылающим щекам. Достойное окончание обучения, ничего не скажешь. Если об этом станет известно... Я зажмурилась от ужаса. Я стану посмешищем всей академии, а может, и за ее пределами!

Остается надеяться, что у Родерика Адалхарда есть хоть капля благородства и он никому не расскажет. Мы можем и вовсе не увидеть друг друга больше. Он забудет меня. Что ему какая-то первокурсница, пусть и голая?

Я застонала и упала на кровать лицом вниз.

— Ты вернулась? — голос Селесты привел меня в чувство. — Как все прошло? Ты так хлопнула дверь, что в моей комнате побелка с потолка посыпалась.

— Все прошло отвратительно, — мрачно произнесла я, поворачивая голову и глядя на подругу, которая лениво перебирала пузырьки на столике перед зеркалом. Выбрав флакон с духами, она открыла крышечку и капнула себе на запястье.

— Значит, твое обучение тоже закончилось? — спросила Селеста, с наслаждением втянув в себя запах.

— А ты точно решила?

— Да. Я запечатаю хаос. Мы с Холденом поженимся и поедем в медовый месяц в поместье его

отца в Алабрии... Осточертели и книжки, и преподады, и вся эта академия... На юге красиво?

Она пытливо посмотрела на меня, и я села в кровати, натянув на колени хлопковый подол платья.

— Там тепло, — выдохнула я. — Везде зелень, цветы, ты с ума сойдешь от ароматов. Никакие духи не сравнятся! Море теплое, ласковое, волны несут тебя сами, и потом можно валяться на песке почти голышом. — Вспомнив о своем внезапном обнажении, я помрачнела и добавила суше: — Тебе там понравится. Только береги кожу. Ты такая светлая, как бы не обгорела на солнце.

— Ничего, если проведешь здесь еще пару месяцев, тоже станешь бледной поганкой, — хмыкнула Селеста. — Не хочешь освежить загар?

Сердце сжалось на миг, когда я представила, что могла бы снова увидеть дом — белые стены, апельсиновые деревья в цвету, скалистое побережье, на котором ветер гнет редкую траву...

Дома больше нет. Ничего нет. Меня выгонят, и стипендии больше не будет. Мне запечатают хаос, потому что я не могу им управлять. А потом император подберет мне мужа, которого устроит невеста-бесприданница с магической кровью.

— Посмотрим, — мрачно ответила я.

— Конечно, — улыбнулась Селеста. — Не забудь, отправляемся в Фургарт с самого утра, чтобы успеть подготовиться к балу. А это что?

Она склонилась к плащу ректора, и я, вскочив с постели, мигом схватила его, смяла в руках и спрятала в дальний угол шкафа.

— Ничего, — ответила я, натянуто улыбнувшись. — Тряпка. Протирала пыль.

Селеста сочувственно покивала, а потом небрежно повела пальцами и произнесла:

— Тиденис мунтас!

По комнатке пронесся вихрь, собирая пыль, крошки печенья, которое я тайком притащила из столовой, смятый лист бумаги, исписанный моим почерком. Весь этот мусор метнулся к ветхому камину и втянулся в трубу.

Я завистливо посмотрела по сторонам. Комната сияла и блестела, и нигде не было ни пылинки. Запахло цветами и чуть-чуть шоколадом.

— Здорово... Уверена, что тебе надо это запечатывание?

— Я уверена, что мне нужен Холден, а он не хочет ждать, — насупилась Селеста, снова перебирая баночки на туалетном столике. Понюхав очередной крем, она скривилась и не раздумывая швырнула его в камин. Пузырек жалобно звякнул, а после исчез в трубе следом за остальным мусором. — И раз уж ты завалила зачет, не тяни. Не жди, пока император сам подберет тебе мужа. На его волю полагаются самые негодящие мужчины, нормальные могут выбрать жену сами. Зачем тебе некондиция?

Она возмущенно на меня посмотрела, и я покачала головой. Некондиция мне не нужна. Мне в принципе не нужен муж. Академия открыла для меня возможность совершенно новой жизни, но я ее бездарно упустила.

— Возьми судьбу в свои руки, — сказала Селеста. — На завтрашнем балу в честь начала Охоты

будут все холостяки. Выбирай любого! Кроме Холдена, — добавила она быстро.

— Можно подумать, я кому-то сильно нужна, — вздохнула я.

— Да, ты не самая завидная невеста, — не стала обнадеживать меня Селеста. — Непонятно, к какой именно стихии у тебя склонность, отследить это по архивам не удалось. Если ты войдешь в Лабиринт хаоса, то только боги знают, с какой магией выйдешь. Ладно еще если из тебя получится анимаг, они хотя бы долго живут и вовсе не болеют. Хотя лучше бы стихийница воды или воздуха, конечно. Если вдруг откроется магия огня, то тебе ее все равно сразу запечатают, а ведь после Лабиринта запечатывание проходит куда сложнее, могут проявиться последствия. Но ты можешь стать и некроманткой! От одной мысли мороз по коже! Или... — голос ее понизился, — ты станешь путницей и не выйдешь из Лабиринта вовсе...

Я видела Лабиринт лишь издали и старалась думать о нем просто как об очередном экзамене. Но раз уж я завалила зачет по бытовой магии, то, наверное, в Лабиринт мне и вправду лучше не соваться.

— Так что наследственность хаоса у тебя сомнительная, и для женихов ты все равно что кот в мешке. — Селеста окинула меня сочувствующим взглядом: — К тому же, насколько я понимаю, ты стеснена в средствах...

Это мягко сказано. После смерти отца и нескольких бестолковых маминых проектов мы остались фактически без гроша в кармане. Стипендия академии стала для нас спасением.